4. *Brockdorf Cay von.* Die deutsche Aufklärungsphilosophie. München, 1926.
5. *Cassirer E.* Die Philosophie der Aufklärung. Tübingen, 1932.
6. *Dessoir M.* Geschichte der neuren deutschen Psychologie. Erster Band, B., 1902.
7. Kant's gesammelte Schriften. Hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. B.-Lpz., Bd. I-XVIII, 1900-1928.
8. *Riehl A.* Der philosophische Kritizismus: Geschichte und System. Erster Band. Ceschichte des philosophischen Kritizismus. Lpz., 1924.
9. *Störring C.* Die Erkenntnistheorie von Tetens. Lpz., 1901.
10. *Tetens J. N.* Gedanken von einigen Ursachen, warum in der Metaphysik wenig ausgemachte Wahrheiten sind. Bützow, 1760.
11. *Tetens J. N.* Abhandlung uber die allgemeine spekulativische Philosophie. Bützow, 1775.
12. *Tetens J. N.* Philosophische Versuche über die menschliche Natur und ihre Entwickelung. Bd. 1-2, Lpz., 1777.
13. *Übele W.* Johann Nicolaus Tetens nach seiner Gesammtentwicklung betrachtet, mit besonderer Berücksichtigung des Verhältnisses zu Kant. Unter Benutzung bisher unbekannt gebliebener Quellen. B., 1911.

ДЕДУКЦИЯ КАТЕГОРИЙ В МЕТАФИЗИКЕ КАНТА

(ГЕНЕТИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ)

В.В.Васильев

Кант надеялся внести полную ясность в метафизику, но оказалось, что двух столетий недостаточно для прояснения некоторых положений его собственной философии. До сих пор продолжаются споры по поводу смысла главных тезисов кантовского критицизма. Данная статья посвящена дедукции категорий – одному из наиболее значимых и сложных исследований в критической философии Канта. Сам Кант не раз указывал на исключительную роль дедукции в системе трансцендентальной философии [1]. То, что такие оценки – не преувеличение, становится ясно, если присмотреться к проблемам, обсуждаемым в дедукции. Это исследование должно обосновать право категорий на чистое применение [2]. Другими словами, в дедукции решается вопрос о возможности и границах априорных познаний из чистого рассудка [3]. Но именно эту проблему Кант считает центральной для всей критической философии [4]. Понятно, почему дедукция оказывается столь значимой в его системе.

Анализ дедукции может оказаться полезным не только для прояснения кантовской позиции относительно возможности и объема априорных познаний из чистого разума. Не исключено, что он будет способствовать прояснению некоторых проблем, хотя и связанных с дедукцией, но в то же время выходящих за границы собственно де-

© В. В. Васильев, 1996

дукции категорий и важных для понимания исходных положений кантовской метафизики. Достаточно упомянуть две интерпретационные трудности, разъяснению которых способствует анализ дедукции. Это, во-первых, проблема фактического существования априорных синтетических познаний из чистого рассудка и, во-вторых, трудность, связанная с истолкованием кантовской позиции в вопросе о взаимоотношении чувственности и рассудка. К этим проблемам можно будет обратиться в конце статьи, сейчас же надо определить основные направления анализа дедукции категорий.

Прежде всего, надо ответить на вопрос о необходимости дедукции категорий, который не тождествен вопросу о ее целях, а имеет, скорее, исторический оттенок – почему в определенный период своего философского развития Кант стал рассматривать обоснование правомерности априорного употребления категорий, т. е. трансцендентальную их дедукцию в качестве необходимого компонента своей философии? Ответ на данный вопрос предполагает обращение к истокам дедукции и выявление обстоятельств, способствовавших осознанию Кантом ее необходимости. Эта тема станет предметом рассмотрения в первой части настоящей статьи, а применяемый в этой части исторический, или генетический, метод будет доминирующим и в других разделах.

Второе направление анализа трансцендентальной дедукции категорий связано с выявлением ее структуры. Анализ затрудняется, с одной стороны, большим количеством рубрикаций, внесенных самим Кантом и разбивающим дедукцию на несколько неоднородных частей, а с другой – неотчетливо прорисованными переходами между этими частями, что затрудняет уяснение их взаимоотношений. Во второй части данной работы будет показана роль и выявлены особенности субъективной и объективной, «достаточной» и полной дедукций, а также дедукции «сверху» и дедукции «снизу».

Наконец, в третьей части будет рассмотрена содержательная сторона кантовской аргументации в трансцендентальной дедукции категорий. Особый интерес вызывает здесь реконструкция той части кантовской аргументации, которая приводит Канта к убеждению о тождестве категорий и функций единства сознания.

ИСТОКИ И НЕОБХОДИМОСТЬ ДЕДУКЦИИ

Несколько слов о формальных признаках дедукции.

Трансцендентальная дедукция категорий в целом должна оправдать возможность априорного применения категорий к предметам, т.е. априорного познания предметов с помощью категорий [5]. Кант устанавливает, что объектами подобного познания могут быть только явления как предметы возможного опыта [6]. Конкретизируя цели дедукции, Кант замечает, что в ней должно быть показано, что категории есть априорные условия возможного опыта и его предметов [7] – лишь в этом случае будет объяснена возможность априорного познания предметов через категории. Иными словами, дедукция призвана продемонстрировать необходимую связь между категориями, или чистыми понятиями рассудка, и предметами.

Эти характеристики дедукции позволяют довольно точно определить время возникновения самой проблематики дедукции у Канта. Впервые вопрос об объяснении возможности необходимого соответствия чистых понятий рассудка и предметов поставлен Кантом в знаменитом письме к Герцу от 21 февраля 1772 г. В письме Кант специально подчеркивает новизну – в диссертации 1770 г. данный вопрос «обойден молчанием» [8] – и значимость этой проблемы. Таким образом, время возникновения проблематики дедукции можно установить – ориентировочно 1771 год. Теперь надо выяснить, какими обстоятельствами сопровождалось и чем было вызвано осознание Кантом необходимости дедукции в 1771 г., и начать целесообразно с воссоздания среды, в которой произошло зарождение дедукции. В основном эта среда формируется содержанием и идеями диссертации 1770 г. «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира». Рассмотрим те положения диссертации, которые затрагивают проблему отношения чистых понятий рассудка и предметов.

Диссертация 1770 г., по словам Канта, есть своеобразная пропедевтика к метафизике [9], понимаемой как наука о чистом применении рассудка [10]. Пропедевтическая роль диссертации заключается в четком различении чувственности и рассудка, помогающем предотвратить опасное смешение принципов того и другого [11], – что и позволяет надеяться на очищение метафизики. Само же различение чувственности и рассудка выражается в различии источников, из которых возникают, с одной стороны, рассудочные понятия, а с другой – априорные формы чувственности. Рассудочные понятия, получившие впоследствии имя категорий, трактуются Кантом как представления, независимые от опыта и чувственности вообще [12]. Отметим, что если в дальнейшем, т. е. в «Критике чистого разума» Кант пытался доказать, что категории имеют независимое от чувственности происхождение [13], то в диссертации 1770 г. этот момент, по всей видимости, представляется Канту самоочевидным.

Стоит еще раз подчеркнуть, что различение чувственности и рассудка рассматривалось Кантом в качестве одного из центральных положений методологической части метафизики как науки о чистом применении рассудка. И хотя диссертация 1770 г. – это пропедевтика к метафизике, а не сама эта наука, она, тем не менее, дает достаточно материала, позволяющего составить представление о позиции Канта по вопросу о возможности и формах априорного познания из чистого рассудка [14]. Интересно, что кантовские воззрения на этот предмет в 1770 г. кардинально отличаются от позиции, изложенной в «Критике чистого разума». В диссертации Кант признает возможность познания вещей, лежащих за пределами опыта [15] и, напротив, отрицает возможность априорного рассудочного познания феноменов [16]. «Принципы сообразности», являющиеся своеобразными аналогами рассудочных основоположений о причинности и субстанции из «Критики», по мнению Канта, не имеют априорной истинности по отношению к миру феноменов [17].

Обращение к черновым записям Канта этого периода подтверждает вывод о том, что в 1770 г. Кант не считал возможным доказать

необходимое отношение предметов опыта к чистым понятиям рассудка – просто потому, что он отрицал наличие подобного отношения [18] и как следствие этого считал невозможным априорное познание феноменов из чистых рассудочных понятий.

Теперь предстоит выяснить, что произошло с кантовской философией в период с 1770 по 1772 год. Почему в письме к Герцу Кант считает необходимым доказать, что опыт должен точно соответствовать предписаниям рассудка? [19] Напомним, что еще два года назад Кант не только не считал возможным подобное доказательство, но и вообще отрицал, что опыт должен точно соответствовать тем положениям, которые рассудок, в силу субъективных оснований, предписывает его предметам [20].

Информация о событиях 1771 г. может быть получена из «Пролегомен», а также некоторых писем и черновиков Канта. Так, в письме к Бернулли от 16 ноября 1781 г. Кант замечает, что после того, как в 1770 г. ему удалось четко различить чувственность и рассудок, перед ним возникла «новая и непредвиденная трудность», связанная с вопросом об источнике «интеллектуальной составляющей нашего познания» [21]. Получается, что позиция Канта периода диссертации имела некоторый изъян, состоявший, видимо, в неудовлетворительном объяснении источника рассудочных понятий. Но в чем конкретно он состоял? В письме к Герцу также идет речь об упущении, обнаруженном Кантом в диссертации [22], но, на первый взгляд, это упущение никак не связано с вопросом об источнике рассудочных понятий, а скорее имеет отношение к проблеме соответствия предметов и чистых понятий рассудка. Вообще, не совсем ясно, какого рода трудность может возникнуть в вопросе об источнике понятий рассудка.

Развернутый ответ на данные вопросы довольно неожиданно обнаруживается в «Пролегоменах», точнее, в автобиографической части этого произведения, посвященной влиянию на Канта юмовской философии, по поводу которого Кант пишет: «Я охотно признаю, что напоминание (Erinnerung) Дэвида Юма было именно тем, что много лет назад впервые прервало мой догматический сон и придало моим исследованиям в области спекулятивной философии совершенно другое направление» [23]. Сопоставление высказываний Канта из «Пролегомен» и текста уже не раз упоминавшегося письма к Герцу позволяет сделать однозначный вывод о том, что «пробуждение от догматического сна» произошло незадолго до написания письма Герцу, а также, что «упущение», составляющее «ключ ко всей тайне метафизики» [24] из письма к Герцу, «непредвиденная трудность» из письма к Бернулли и «пробуждение от догматического сна» из «Пролегомен» обозначают одно и то же событие. Не имея возможности проводить подробное сопоставление упомянутых текстов, приведем лишь решающий аргумент. Из письма к Герцу мы узнаем, что после того как Кант осознал важность вопроса о возможности необходимого соответствия чистых понятий рассудка и предметов, он приступил к целой серии исследований, часть из которых к моменту написания письма была еще не завершена [25]. Но об одном, уже, по-видимому, окончательно завершенном, Кант рассказывает Герцу. Речь идет о систематизации кате-

горий, проведенной согласно принципам [26] и получившей впоследствии название «метафизической дедукции категорий» [27]. Между тем, судя по тексту «Пролегомен», именно систематизация категорий была первой кантовской реакцией на аргументы Юма, пробудившие Канта от «догматического сна» [28]. Поскольку из письма к Герцу следует, что метафизическая дедукция категорий должна была ликвидировать упущения, обнаруженные Кантом в диссертации 1770 г., то отсюда вытекает, что эти упущения были замечены Кантом при непосредственном влиянии юмовских аргументов.

Итак, информацию о важнейших событиях, происходивших с кантовской философией в 1771 г. можно получить от самого Канта, обратившись к описанию юмовских аргументов, данному Кантом в «Пролегоменах». Юм, по мнению Канта, занимался в основном проблемой причинности и пытался доказать, что разум не может a priori установить возможность существования причинных связей, из чего он делал вывод о том, что понятие причины вовсе не принадлежит рассудку, а есть лишь незаконный продукт опыта и привычки [29]. Поскольку обосновать разумом возможность существования причинных связей можно только доказав общее основоположение «каждое событие имеет причину» – так как a priori для разума одно событие ничем не отличается от другого, – то аргумент Юма, выведший Канта из «догматического сна», может быть переформулирован так: «если невозможно доказать основоположение о причинности, понятие причины возникает из опыта и привычки». Сам Кант допускал возможность подобной переформулировки [30].

Теперь ясно, как связан вопрос об источнике рассудочных понятий с проблемой доказательства необходимого отношения чистых понятий рассудка и предметов. Скажем, если априорное доказательство истинности основоположения о причинности невозможно – а возможно оно лишь в том случае, если понятие причины есть априорное условие возможности предметов опыта и, следовательно, стоит с ними в необходимом отношении – то понятие причины возникает из опыта, в соответствии с юмовским аргументом. Это же рассуждение применимо и к другим понятиям рассудка. Следовательно, рассудочные понятия могут быть априорными лишь при условии, что они находятся в необходимом отношении к предметам. Именно к таким выводам толкал Канта юмовский аргумент. Вопрос о том, почему он убедил Канта, выходит за рамки данной статьи [31], в настоящий же момент важно то, что, приняв в целом этот аргумент, Кант, однако, не мог согласиться с заключениями, сделанными Юмом на его основе [32]. Юм считал невозможным доказательство основоположения о причинности и пришел к выводу, что понятие причины в конечном счете возникает из опыта. Очевидно, что Кант не мог последовать в этом вопросе за Юмом, не разрушая одновременно основоположений своей философской системы, главным из которых в 1771 г. было различение чувственности и рассудка, полностью исчезающее при допущении эмпирического, т. е. в конечном счете чувственного происхождения понятия причины и других понятий рассудка.

Избежать юмовских выводов Кант мог лишь в том случае, если

бы он признал возможность априорного доказательства основоположений, вытекающих из категорий. Между тем, в 1770 г., как уже указывалось, Кант считал подобное предприятие в принципе невозможным. Его позиция выглядела вполне логичной. Если чистые понятия рассудка возникают совершенно независимо от чувственности, то чувственность и рассудок должны быть изолированы друг от друга и вполне естественно, что Кант отрицал необходимое отношение предметов чувств, т. е. феноменов к понятиям рассудка.

Трудно сказать, приступил бы в этих условиях Кант к доказательству необходимого отношения рассудочных понятий и предметов – к тому, что потом получило название «трансцендентальной дедукции категорий», если бы не одно существенное обстоятельство. Дело в том, что Кант нашел другой способ сохранения декларированного диссертацией 1770 г. различения чувственности и рассудка. Этот способ основан на выведении категорий из логических функций суждений [33]. Суть его сформулирована уже в одном из черновых набросков середины 1771 г. [34] Логические функции суждений заведомо априорны, так как присущи всегда априорным аналитическим суждениям. Категории отличаются от логических функций только тем, что в них мыслится не отношение между понятиями, а отношение между предметами [35]. Следовательно, они тоже априорны. Систематизация логических функций в суждениях приводит, таким образом, к установлению основных априорных понятий рассудка, и это рассуждение позволяет, к примеру, доказать априорное происхождение понятия причины, находящее коррелят в логической функции гипотетических суждений и перенимающего от последней свой априорный и нечувственный характер. Напомним, что это рассуждение называется Кантом метафизической дедукцией категорий.

Доказав через метафизическую дедукцию нечувственное происхождение категорий, Кант сохранил столь важную, по его мнению, границу между чувственностью и рассудком и подтвердил, на первый взгляд, основные положения диссертации 1770 г. На деле же ситуация кардинально изменилась и Кант, в соответствии с юмовским аргументом, должен был теперь искать доказательство необходимого отношения категорий к предметам. Выбора сейчас у него уже не оставалось.

Эта стадия эволюции кантовской философии и отражена в письме к Герцу. Заметим, что сама композиция письма к Герцу является хорошим подтверждением правильности предпринятой в данном разделе реконструкции событий, происходивших с кантовской философией в 1771 г. В письме Кант начинает с вопроса о возможности необходимого соответствия чистых понятий рассудка и предметов, а затем представляет дело так, будто ответом на данный вопрос является систематизация категорий. Между тем, систематизация категорий может в лучшем случае служить доказательством априорного происхождения таких понятий метафизики, как причина, субстанция и т. д., но ведь вопрос, изначально поставленный Кантом в письме, уже предполагает неопытный характер рассудочных понятий [36]. Получается, что исследование, которое, судя по письму к Герцу, имеет отношение к

ответу на вопрос о возможности необходимого соответствия чистых понятий рассудка и предметов, в действительности приводит лишь к повторению предпосылки самого вопроса. Эта трудность устраняется гипотезой о влиянии на Канта юмовских аргументов, произошедшем незадолго до написания письма к Герцу. В этом контексте смысл кантовского вопроса о необходимом соответствии категорий и предметов сводился к следующему: если невозможно доказать, что подобное соответствие имеет место, категории должны быть признаны возникающими из опыта. Другими словами, вопрос о необходимом соответствии категорий и предметов почти отождествлялся Кантом с вопросом о том, априорны ли категории. Но систематизация категорий как раз дает ответ на последний вопрос – соответственно, композиция письма к Герцу уже не представляется заключающей в себе логический круг, так как априорное происхождение понятий рассудка сначала постулируется, затем подвергается сомнению и, наконец, доказывается.

Вернемся к состоянию, в котором оказался Кант в 1771 г. Ему предстояло доказать, что предметы должны необходимо соответствовать категориям. Как уже отмечалось, именно это доказательство Кант называет трансцендентальной дедукцией категорий, так как оно эквивалентно обоснованию права на априорное познание предметов через категории. Теперь нам нужно будет проследить ход этого доказательства, что предполагает обращение к кантовским текстам критического периода и, прежде всего, к «Критике чистого разума». Однако это не означает расставания с генетическим методом, напротив, обращение к нему подчас оказывается единственным средством для заполнения различного рода лакун, обнаруживающихся в более поздних кантовских изложениях дедукции.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению структуры дедукции, хорошо было бы установить соответствие между выводами настоящего раздела и какой-нибудь частью дедукции из «Критики чистого разума». Такое соответствие действительно обнаруживается. Дедукция, представленная в «Критике», может быть разделена на три части: в первой речь идет «о принципах трансцендентальной дедукции вообще» и о необходимости дедукции, вторую Кант называет «Переход к трансцендентальной дедукции категорий», а третья, намного превосходящая по объему первые две, есть собственно дедукция [37]. Выводам данного раздела соответствуют основные положения параграфа «О принципах трансцендентальной дедукции вообще», центральным из которых является тезис, практически полностью совпадающий с юмовским аргументом, выведшим Канта из «догматического сна»: понятие причины, наряду с другими категориями, «должно быть обосновано в рассудке совершенно a priori, или должно быть совсем отброшено как чистый вымысел» [38]. Под априорным же обоснованием в рассудке Кант понимает априорное доказательство объективной значимости категорий [39], которое только и может оправдать правомерность их чистого применения.

Рассмотрим теперь структуру дедукции.

СТРУКТУРА ДЕДУКЦИИ КАТЕГОРИЙ

Объективная и субъективная дедукции. Уже упоминалось о многочисленных различениях, внесенных Кантом в структуру дедукции. Наиболее известным и важным из них является выделение Кантом субъективной и объективной сторон дедукции. Кант обсуждает этот вопрос в предисловии к первому изданию «Критики чистого разума». По его словам, объективная дедукция относится «к предметам чистого рассудка и должна раскрыть и продемонстрировать (dartun) объективную значимость его априорных понятий» [40]. Она отвечает на главный вопрос критической философии: «что и насколько может быть познано рассудком и разумом независимо от всякого опыта» [41]. Кант замечает, что объективная дедукция «сохраняет всю свою силу» независимо от отношения к субъективной. Он также сообщает, что для объективной дедукции «может быть достаточно по крайней мере то, что сказано на страницах 92 и 93» [42]. Указанным страницам соответствует большая часть параграфа, озаглавленного «Переход к трансцендентальной дедукции категорий». Его содержание сводится к следующему. Возможны два случая, при которых предмет и представление необходимо соответствуют друг другу: либо предмет делает возможным представление, либо представление – предмет [43]. «В первом случае это отношение имеет лишь эмпирический характер». Что же касается второго случая, то в нем, «хотя представление само по себе не создает своего предмета *в смысле существования*... тем не менее оно a priori определяет предмет, если только с его помощью можно *познать* нечто как *предмет*» [44]. Два необходимых условия познания – созерцание и понятие. Вполне возможно поэтому, что категории как априорные понятия могут содержать в себе условия мышления о предмете вообще [45]. «В таком случае они необходимо и a priori относятся к предметам опыта, так как только с их помощью можно мыслить какой-нибудь предмет опыта вообще» [46]. Кант пишет, что «все исследование» в трансцендентальной дедукции категорий должно быть направлено на принцип, согласно которому категории признаются априорными условиями возможности опыта.

Перечисленные кантовские тезисы составляют объективную дедукцию категорий, но каким же образом они отвечают на находящийся в компетенции объективной дедукции вопрос: «что и насколько может быть познано рассудком и разумом независимо от опыта»? Очевидно, что ключевым местом из приведенных рассуждений Канта является то, где говорится о невозможности создания представлениями предмета со стороны его существования. В данном случае термин «существование» употребляется Кантом в рамках оппозиции «вещи, как они являются – вещи, как они существуют» [47]. Мысль Канта заключается, следовательно, в том, что категории как один из видов представлений не могут быть условиями возможности вещей, как они существуют, или вещей самих по себе. Отсюда вытекает, что категории не могут стоять в необходимом отношении к вещам самим по себе и априорное познание последних через категории оказывается невозможным. То, что категории не могут быть условиями вещей самих

по себе, следует уже из их определения: если бы категории создавали вещи сами по себе, то последние, оказываясь в зависимости от субъективных форм мышления, не существовали бы сами по себе, что противоречит предположению. С другой стороны, категории вполне могут быть условиями возможности опыта и его предметов – в силу того, что все предметы опыта есть явления, которые есть лишь представления в нас, т. е. носят субъективный характер и вполне могут в определенном смысле зависеть от других субъективных принципов[48], к примеру, от форм мышления, или категорий. Из всего этого вытекает, что рассудочное познание a priori может простираться не далее возможного опыта и единственные его предметы – явления. Таким образом, в параграфе «Переход к трансцендентальной дедукции категорий» как будто содержится все необходимое для ответа на главный вопрос объективной дедукции. Понятно, кстати, почему Кант называет ее объективной – с ее помощью определяется, какие *объекты* могут быть познаны рассудком и разумом a priori.

Анализ объективной дедукции, однако, еще далек от завершения. Дело в том, что более внимательное рассмотрение вопроса «что и насколько может быть познано рассудком и разумом независимо от всякого опыта» показывает, что одного лишь содержания параграфа «Переход к трансцендентальной дедукции категорий» все же недостаточно для его полного разрешения. На основании этого параграфа можно только заключить, что единственным *в принципе возможным* предметом априорного познания через категории являются предметы возможного опыта, но из этого не следует, что категории действительно есть условия возможности опыта и что они действительно содержат в себе основания для априорного познания явлений, – но исключительно то, что они могут быть такими условиями. Последнего, однако, недостаточно для утверждения о том, что рассудок реально может a priori познавать явления, и, стало быть, главный вопрос критической философии оказывается решенным только наполовину.

Из этого вытекает, что должно быть специальное исследование, доказывающее, что категории есть априорные условия возможности опыта. Но ведь именно это доказательство и составляет предмет собственно трансцендентальной дедукции категорий. Будет ли оно принадлежать к объективной дедукции? На этот естественный и простой вопрос довольно трудно найти ответ. С одной стороны, поскольку объективная дедукция ограничивается параграфом «Переход к дедукции категорий», в котором доказательство отсутствует, то напрашивается ответ, что оно, скорее, относится к субъективной дедукции. Но, с другой стороны, поскольку объективная дедукция «сохраняет всю свою силу» независимо от субъективной, доказательство того, что категории есть априорные условия возможности опыта, должно быть дано именно в объективной дедукции. Тогда оно все же относится к объективной дедукции. В этом случае вновь становится непонятно, почему из всей дедукции Кант считал возможным ограничиться параграфом «Переход к дедукции категорий» для получения ответа на вопрос об объеме нашего априорного познания из чистого рассудка.

Трудность эту легче всего разрешить, обратившись к уже поде-

ланному анализу обстоятельств, связанных с возникновением проблематики дедукции. Ее инициировал аргумент: если невозможно доказательство основоположений, вытекающих из категорий, то последние возникают из опыта. Кант доказал с помощью метафизической дедукции, что категории не возникают из опыта, из чего следовало, что априорное доказательство истинности соответствующих основоположений возможно. Раз известно, что оно возможно, то очевидно, что возможно и априорное познание из категорий, и остается лишь определить его границы. Настоятельная же необходимость отыскивать само доказательство как бы отпадает. Границы априорного познания на основе категорий определяются следующим образом. *Доказательство связанных с категориями основоположений возможно только тогда, когда будет показано, что категории есть априорные условия возможности предметов. Но такими предметами могут быть только предметы возможного опыта, но никак не вещи сами по себе. Следовательно, априорное познание через категории распространяется лишь на предметы возможного опыта.* Курсивом выделена объективная дедукция как таковая. Эти положения соответствуют содержанию параграфа «Переход к трансцендентальной дедукции категорий».

Теперь видно, что собственно доказательство тезиса о том, что категории есть априорные условия возможности опыта, действительно не принадлежит объективной дедукции; для ответа же на главный вопрос критической философии достаточно знания о возможности этого доказательства, но такое знание проистекает из результатов метафизической дедукции и положений, высказанных Кантом во введении к трансцендентальной дедукции. Роль объективной дедукции при этом сводится к определению границ априорного знания и демонстрации его возможности, т. е. и без объективной дедукции известно, что через категории возможно априорное знание предметов, но объективная дедукция показывает, с одной стороны, на какие предметы распространяется это познание, а с другой – что оно возможно лишь тогда, когда категории есть априорные условия опыта, а также, – что категории вполне могут быть ими.

Куда же относится собственно априорное доказательство тождества категорий с априорными условиями возможности опыта? Оно совпадает с субъективной дедукцией категорий. В самом деле, обратимся к кантовским характеристикам субъективной дедукции и сравним их с выявленными особенностями упомянутого априорного доказательства.

Субъективная дедукция не необходима для определения объема априорных познаний из чистого разума [49]. То же можно сказать об априорном доказательстве тождества категорий с априорными условиями возможности опыта. Субъективная дедукция напоминает поиски причины к данному действию и в этом смысле похожа на гипотезу [50]. Поиски того доказательства также ведутся, когда уже известно, что категории есть априорные условия возможности опыта; правда, это известно лишь постольку, поскольку мы знаем о возможности этого доказательства. Субъективная дедукция отвечает на вопрос о том, «как возможна сама *способность мышления*» [51]. Наше доказатель-

ство аналогичным образом демонстрирует возможность существования априорных понятий и основоположений рассудка. И это доказательство, и субъективная дедукция независимы от объективной: последняя может быть проведена без них [52]. И наконец, даже терминологически данное доказательство есть субъективная дедукция категорий, так как, во-первых, обосновывает право категорий на априорное применение, а во-вторых, будучи априорным, остается «один на один» с субъективными способностями познания и может быть только экспликацией необходимого взаимопроникновения чувственности и рассудка, проведенной «с точки зрения субъекта» [53].

Итак, субъективная дедукция есть априорное доказательство тождества категорий с априорными условиями возможности опыта, т. е. то, что обычно называют трансцендентальной дедукцией как таковой. Предшествующий анализ выявил изначальную двойственность кантовской позиции по отношению к субъективной дедукции. С одной стороны, поскольку категории априорны, известно, что она возможна, и это как бы избавляет от необходимости ее проведения. С другой стороны, окончательно убедиться в возможности субъективной дедукции можно лишь проведя ее – в этом смысле она необходима. Указанная двойственность отчетливо проявилась в первом издании «Критики чистого разума», из самого текста которой следует, что дедукция есть по крайней мере центральное исследование «Трансцендентальной аналитики». Однако уже после завершения основного текста «Критики» Канту, по-видимому, показалось, что сложность субъективной дедукции может лишить очевидности всю систему в целом, если эту дедукцию будут рассматривать в качестве фундамента критической философии. Поэтому в предисловии к первому изданию «Критики» Кант с легкостью расстается с субъективной дедукцией, входя в очевидное противоречие со структурой основного текста произведения. Важно, однако, не само это противоречие, а причины, обусловившие безболезненность резкого изменения позиции Канта. Эти причины и были выявлены нами.

Теперь предстоит более подробно рассмотреть структуру субъективной дедукции и начать можно с различения «достаточной» и полной дедукций.

«Достаточная» и полная дедукции. Кант вводит это различение в первом издании «Критики»: «мы дадим уже достаточную дедукцию и обоснование объективной значимости [категорий], если будем в состоянии доказать, что только посредством них можно мыслить предмет». Полная же дедукция должна, судя по всему, включать анализ субъективных источников познания «с точки зрения их трансцендентального <...> характера» [54].

«Достаточная» дедукция должна, таким образом, установить, что предмет может мыслиться только через категории. Прежде чем выяснить, в каком смысле эта дедукция может быть «достаточной», необходимо сделать несколько замечаний. Во-первых, дефиниция достаточной дедукции позволяет локализовать последнюю в различных произведениях Канта критического периода. Наиболее короткий ее вариант дан в дедукции из «Метафизических начал естествознания» [55]

и в девятнадцатом параграфе второго издания «Критики чистого разума». Кроме того, «достаточная» дедукция составляет большую часть дедукции категорий из «Пролегомен». Наконец, в русле «достаточной» дедукции идет доказательство основоположений чистого рассудка в «Критике чистого разума». Последнее утверждение может показаться не столь очевидным и требующим пояснения. В нашем случае можно ограничиться следующим формальным аргументом: метод дедукции из «Пролегомен» и способ доказательства основоположений, особенно аналогий опыта, из «Критики» восходят к общему прааргументу из черновых набросков дедукции середины семидесятых годов, взаимодополняющие части которого они составляют [56]. Что же касается текста дедукции из первого издания «Критики», то в отчетливом виде «достаточная» дедукция здесь не обнаруживается [57]. Между тем, как будет показано далее, она является неотъемлемой частью полной субъективной дедукции. Тогда получается, что одна из частей дедукции вынесена в первом издании за ее пределы и заключена в доказательствах основоположений чистого рассудка. Ясны и возможные причины столь необычной композиции. В 1781 г. у Канта, вероятно, еще не было удовлетворительного варианта «достаточной» дедукции для всех категорий сразу. Включение же в основной текст дедукции доказательств для каждой категории в отдельности привело бы к сильному разрастанию дедукции, почему Кант и вынес эту часть дедукции в отдельную главу. В 1786 г. Кант наконец нашел способ сократить «достаточную» дедукцию и провести ее одновременно для всех категорий и он не замедлил включить этот вариант во второе издание «Критики чистого разума» [58].

Другое замечание касается природы «достаточной» дедукции. Некоторые исследователи считают, что в ней как раз выражена объективная дедукция [59]. Даже не возвращаясь к тому, что было сказано выше по поводу объективной дедукции, достаточно упомянуть, что Кант прямо указывал на субъективный характер исследований, показывающих, что предметы могут быть помыслены только с помощью категорий [60].

Теперь обратимся к характеру аргументации Канта в «достаточной» дедукции. Цель дедукции состоит в доказательстве того, что представления чувств только тогда считаются существующими независимо от нашего познания, когда они мыслятся связанными через категории. Поскольку, однако, все предметы чувств – явления, не имеющие независимого существования, то выводы дедукции переформулируются следующим образом: мысля представления связанными через категории, мы относим их к тому, что обладает подлинно независимым существованием, т. е. к вещам самим по себе, и предполагаем, что эти представления возникают в результате воздействия вещей на нашу чувственность. Проводя дедукцию, Кант выстраивает следующую цепочку рассуждений. Объект мыслится независимым от наших представлений. Поэтому с одной и той же точки зрения он должен всем представляться одинаково [61] – в противном случае определения объекта, а следовательно, и он сам, не существовали бы независимо от представляющих его субъектов. Связь представлений, относящихся к

объекту, должна поэтому иметь всеобщий и необходимый характер; помыслить же такую связь можно только через априорные представления, которыми и являются категории. Особую роль Кант отводит категориям отношения, так как именно в них мыслится необходимая связь представлений. Математические категории «отвечают» за созерцания, а категории субстанции, причины и взаимодействия – за отнесение представлений, данных в созерцании, к предметам [62]. Итак, необходимым условием отнесения представлений к предметам является связывание их через категории, причем непосредственно отнесение осуществляется с помощью категорий отношения. На этот момент надо обратить особое внимание.

Настало время ответить на вопрос, в каком смысле «достаточная» дедукция является достаточной. Этот вопрос, пожалуй, один из наиболее трудных из всех, относящихся к дедукции категорий, ответ же на него оказывается во многом гипотетичным. Прежде всего, Кант замечает, что ограничиться «достаточной» дедукцией можно, если мы знаем, что категории априорны [63]. И действительно, сам ход доказательства, составляющего «достаточную» дедукцию, показывает, что категории фигурируют в нем уже в качестве чистых понятий рассудка. Трудность, однако, в том, что это относится и к полной дедукции, также допускающей априорный характер категорий. Смысл кантовского утверждения, по-видимому, в том, что «достаточная» дедукция не может и подтвердить априорное происхождение категорий, в то время как полной дедукции удается, по мнению Канта, полностью подтвердить его.

И все же, в каком смысле достаточна «достаточная» дедукция? По всей видимости, она достаточно хорошо объясняет известный из других источников факт необходимого соответствия категорий и предметов чувств, хотя и не может дать исчерпывающее доказательство необходимости такого соответствия. Каким же образом «достаточная» дедукция поясняет этот факт? Все наши созерцания, по Канту, чувственны, т. е. многообразное в них возникает в результате воздействия предмета [64], который мыслится независимым от нашего восприятия. Между тем, «достаточная» дедукция показывает, что для того, чтобы представления относились к независимому от нас предмету, они должны быть связаны через категории. Поскольку все представления порождены в нас воздействием подобных предметов, то все они подчинены категориям, что и требовалось доказать.

Ясно, что это доказательство годится в лучшем случае для объяснения уже известного. Рассуждая же a priori, нет никакой необходимости в том, чтобы многообразное, данное в чувствах, проистекало от воздействия предмета. Оно вполне может быть дано в чувствах непосредственно, без всякой причины. Но тогда окажется возможным наличие в созерцаниях многообразного, не подчиненного категориям. Можно возразить, что для Канта многообразие чувственных созерцаний по определению порождается воздействием предмета и что, следовательно, в чувствах не может быть ничего, что не было бы вызвано им. На этот счет стоит заметить, что само это определение является архаичным в кантовской философии, поскольку восходит к диссерта-

ции 1770 г., когда Кант еще отрицал возможность беспричинных событий как таковых[65], хотя и признавал, что *в мире феноменов* могут быть события, не имеющие причин из мира феноменов[66].

Так или иначе, но на первоначальных стадиях работы над дедукцией Кант ограничивался «достаточной» дедукцией, которая, правда, не давала ему окончательного удовлетворения. Перелом произошел в 1775 г., за шесть лет до выхода «Критики», когда Канту наконец удалось найти полностью априорное доказательство тождества категорий с априорными условиями возможности опыта – «достаточная» дедукция имеет шанс на успех при том, что допускается как факт, что все наши представления порождены воздействием предмета и, следовательно, она не полностью априорна, хотя должна быть таковой. Переходим теперь к анализу полной субъективной дедукции.

Дедукция «сверху» и дедукция «снизу». Это терминологическое различение закрепилось в кантоведческой литературе, хотя первый термин ни разу не употреблялся Кантом, а второй – один раз в первом издании «Критики». Тем не менее, дедукция действительно распадается на два исследования, приводящих к сходным выводам о необходимости соответствии предметов чувств категориям, причем одно из них отталкивается от трансцендентального единства апперцепции, а другое – от эмпирических синтезов в пространстве и времени. Соответственно, первая дедукция есть дедукция «сверху», вторая – «снизу». Главное сейчас – выяснить смысл этого различения у Канта. Первая проблема связана с тем, что и во втором издании «Критики» Кант четко различает «начало» и завершение дедукции. Не являются ли они аналогами дедукции «сверху», открывающей основной текст дедукции в первом издании «Критики», и дедукции «снизу», завершающей его? Положительный ответ на данный вопрос почти не вызывает сомнений. И дедукция «сверху», и «начало» дедукции исходят из трансцендентального единства апперцепции[67], с другой же стороны, и дедукция «снизу», и «завершение» дедукции отталкиваются от эмпирического синтеза схватывания в созерцании[68]. Кроме того, и «начало», и «завершение» дедукции во втором издании приводят разными путями к похожим результатам – точно так же, как дедукция «сверху» и дедукция «снизу» из первого издания «Критики»[69], не говоря уже о том, что сами выводы в обеих изданиях совпадают.

Все это позволяет заключить, что различение между «началом» и «завершением» дедукции из второго издания «Критики» преследует те же цели, что и рассматриваемое различение из первого издания. Принятие этого вывода приводит к серьезным последствиям. Дело в том, что цели указанного различения достаточно четко проговариваются Кантом во втором издании и по ним тогда можно судить о смысле разграничения дедукций «сверху» и «снизу», не проясненном Кантом в первом издании «Критики». Более того, принятие данного вывода позволяет рассматривать дистинкцию из второго издания в качестве развития и переработки первоначального различения между дедукциями «сверху» и «снизу». И действительно, структура обеих частей дедукции во втором издании «Критики» значительно прояснена. На основании перечисленных фактов можно предположить, что

ни смысл, ни формы рассматриваемого различения не представлялись Кантом, в период работы над первым изданием «Критики», в такой степени, которая делала возможной их отчетливую формулировку. Это, в свою очередь, могло быть следствием новизны самой проблемы, вставшей перед Кантом и в конце концов приведшей к данному различению. Остается только выяснить, в чем состояла эта проблема.

Во втором издании «Критики» Кант пишет по поводу «начала» дедукции: «дано <...> начало *дедукции* чистых рассудочных понятий, в которой ввиду того, что категории возникают только в рассудке *независимо от чувственности*, я должен еще отвлечься от того, каким способом многообразное дается для эмпирического созерцания» [70]. В «завершении» же дедукции доказывается, что категории имеют необходимое отношение к предметам в пространстве и времени, т. е. тут доказывается, что категории применимы не только к предметам чувственного созерцания *вообще*, но и к предметам *нашего* чувственного созерцания [71]. Присмотревшись теперь к дедукции «сверху» из первого издания, мы обнаружим, что и здесь синтез воображения, соответствующий категориям, рассматривается Кантом направленным *«без различия созерцаний* исключительно на связь многообразного» [72] (курсив мой .– *В. В.*), хотя заметить эту особенность без привлечения текста второго издания довольно трудно.

Итак, необходимость различения между дедукцией «сверху» и дедукцией «снизу» возникает потому, что категории возникают независимо от чувственности. Однако еще не ясно, чем непосредственно вызвана эта необходимость. Чтобы ответить на этот вопрос, надо вернуться в 1775 год, когда Канту впервые удалось выстроить удовлетворяющий его аргумент. Его фундаментом стало теперь понятие единства апперцепции [73]. Для наших целей допустима реконструкция аргумента, опирающаяся на тексты «Критики чистого разума». Кант полагал, что положение «все данные мне представления имеют необходимое отношение к единству сознания» обладает априорной истинностью [74]. Если так, то должен существовать априорный синтез, приводящий представления к единству сознания, или относящий их к нему, поскольку сами по себе представления разрозненны [75]. Далее Кант обнаружил, что категории, связывая представления, относят их к единству сознания [76]. Отсюда он смог заключить, что все осознаваемые нами представления подчинены категориям и таким образом достиг целей дедукции. Вопрос о том, почему Кант решил, что категории относят представления к единству сознания, будет обсуждаться в следующем разделе. Сейчас же обратим внимание, что сам по себе единый синтез, связывающий представления в апперцепции, распадается на множество синтезов – в соответствии с числом категорий. Почему так происходит?

Скорее всего незадолго до выхода первого издания «Критики» Канту показалось, что он нашел решение этой проблемы. Поскольку все представления даны в созерцании – в нашем случае во времени – и оно обладает определенной структурой, и синтез также направлен на созерцание, то этот сам по себе единый синтез распадается на несколько частей – в соответствии со структурой времени. Отсюда мно-

гообразие форм синтетического объединения представлений в апперцепции, т.е. многообразие категорий. Именно поэтому в первом издании «Критики» Кант определяет рассудок как «единство апперцепции по отношению к синтезу воображения»[77]. Изначальный смысл этого определения, видимо, в том, что рассудок, вместе с категориями, возникает, когда сам по себе простой синтез многообразного в апперцепции как бы «опрокидывается» на время и действующую в нем синтетическую способность – воображение. В действительности, однако, эта дефиниция рассудка из первого издания «Критики» есть не более чем след или отблеск того решения и она не отражает позицию Канта по этому вопросу в 1781 г. Дело в том, что такое решение приводит к опасным результатам, и Кант, возможно, не без удивления обнаружил, что, связав категории с формой времени, он пришел к выводам, прямо противоположным тем, которые он стремился получить. Сведение категорий к временным формам означает признание чувственного характера этих понятий, а между тем, дедукция изначально замышлялась как исследование, которое должно подтвердить нечувственное происхождение категорий. Поэтому уже в первом издании «Критики» Кант вынужден был пересмотреть свою позицию.

Поскольку, однако, изменения вносились им в спешке, Кант оставил в первом издании немало следов своей прежней позиции. Кроме уже упоминавшейся дефиниции рассудка приведем еще один очень показательный пример. В разделе об амфиболии рефлективных понятий есть место, скорее всего по недосмотру не отредактированное Кантом, где он утверждает, что категории не имели бы значения для любого другого чувственного созерцания, исключая наше[78]. Если категории тесно связаны с формами времени, то они, конечно, не имеют значения для других возможных чувственных созерцаний – отношение апперцепции к ним породило бы совсем другие категории, нежели наши.

Любопытно, что впоследствии Кант иногда возвращался к подобной оценке категорий, жестко связывающей их с формами нашего чувственного созерцания[79]. Но вернемся в 1781 год. Опасность смешения категорий с временными формами требовала от Канта решительного разведения категорий и временных определений. Такое разведение осуществляется им как раз через различение дедукций «сверху» и «снизу». В первой из них доказывается необходимое отношение категорий к предметам чувственного созерцания вообще, а во второй – что они значимы также для предметов, данных в пространстве и времени, которые выступают в качестве частного случая чувственных созерцаний. Если категории значимы для любого чувственного созерцания, то категории по своему происхождению не связаны с формами ни одного из этих созерцаний; в них мыслится синтез многообразного, данного в созерцании вообще[80]. Таким способом Кант выражает разрыв между категориями и формами чувственности. Связанное с этим различение двух стадий дедукции проведено уже в первом издании «Критики», но гораздо более четко – во втором. Разумеется, во втором издании исчезло «реликтовое» определение рассудка через отношение единства апперцепции к синтезу воображе-

ния – здесь Кант просто отождествляет рассудок с апперцепцией [81]. Вопрос же о том, почему мы имеем именно такие, а не иные, категории, объявляется во втором издании выходящим за пределы нашего познания [82].

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ ДЕДУКЦИИ

Настало время более подробно рассмотреть содержательную сторону кантовской аргументации в субъективной дедукции категорий. Некоторые существенные звенья этой аргументации уже были предметом анализа. Кант начинает с тезиса, согласно которому все представления, которые могут быть осознаны нами, имеют отношение к единству сознания. Поскольку представления сами по себе разрознены, они должны синтетически объединяться в сознании. Формами этого синтеза оказываются категории. Поэтому, все, что может быть воспринято нами – восприятие есть созерцание, связанное с сознанием [83], – подчинено категориям. Далее, поскольку синтез всегда непосредственно направлен на многообразное чувственных созерцаний, то и сам этот синтез имеет чувственный характер и не может непосредственно осуществляться рассудком. Способность, благодаря которой происходит такой синтез, называется Кантом продуктивным воображением [84]. Единство и формы этого синтеза воображения, тем не менее, задаются рассудком [85]. Категории, «спроецированные» на воображение, действующее в рамках наших форм чувственности, дают схемы, в соответствии с которыми происходит любое восприятие. До сих пор речь шла о трансцендентальном уровне наших познавательных способностей. Все они имеют эмпирические корреляты, находящиеся по эту сторону сознания, в то время как, к примеру, деятельность трансцендентальной способности воображения не осознается нами [86]. В первом издании «Критики» Кант уделил значительное место анализу именно эмпирических способностей познания, восходя от них к трансцендентальным. Это объяснялось в значительной степени необходимостью вычленения дедукции «снизу» в качестве самостоятельного исследования, отличного от дедукции «сверху». Во втором издании, прояснив для себя вопрос о формах указанного различения, Кант почти полностью избавился от чужеродного, принадлежащего к эмпирической психологии материала.

Ядром аргументации Канта в дедукции и одновременно самым спорным ее пунктом является отождествление категорий с функциями единства сознания, т. е. допущение, что только связанные через категории представления могут относиться к единству сознания. Без этого допущения дедукция теряет смысл и не достигает цели, а целью, напомним, является доказательство того, что все предметы чувств подчинены категориям.

Рассмотрим, каким образом Кант обосновывает тождество категорий и функций единства сознания во втором издании «Критики». Кант называет трансцендентальное единство апперцепции объективным [87]. Затем он пытается доказать, что категории, связывая представления, относят их к объективному единству сознания [88]. Из этого

как будто следует, что только через категории представления могут быть отнесены к трансцендентальному единству апперцепции, являющемуся, в свою очередь, необходимым условием всякого восприятия. Этот аргумент имеет неустранимый изъян, связанный с недоказанностью тождества трансцендентального и объективного единства сознания. Отождествление же их, проведенное Кантом, может трактоваться двояко: либо Кант просто называет трансцендентальное единство апперцепции объективным и наряду с этим называет объективным единство представлений, получаемое в результате связывания их через категории. Но тогда возникает вопрос, не обозначается ли здесь одним именем «объективное» две разные вещи. Либо Кант действительно отождествляет два единства, но тогда оно оказывается ничем не обоснованным. Не вызывает, конечно, сомнений, что необходимым условием для объединения представлений в объект является трансцендентальное единство апперцепции, т. е. то актуальное сознание, которым мы все обладаем, поскольку мы отвлекаемся от всего эмпирического содержания. Но из этого не следует, что оно есть и достаточное условие для объединения представлений в понятие об объекте – только при этом условии трансцендентальное и объективное единство сознания тождественны – что, однако, как раз и утверждается Кантом [89].

В первом издании «Критики» для доказательства тождества категорий и функций единства сознания Кант использует другой, более естественный, но столь же неубедительный аргумент, который, к тому же, недостаточно эксплицирован им. Он сводится к следующему. Поскольку единство сознания предполагает априорный синтез, то формы этого синтеза также должны быть априорны. Но нам неизвестны другие априорные формы синтеза, кроме категорий [90]. Следовательно, только с помощью категорий представления могут быть отнесены к чистой апперцепции. Недостаток этого аргумента в том, что хотя из него следует, что категории необходимы для объединения представлений в апперцепции, но из него вовсе не вытекает, что *все* категории должны быть задействованы в этом для обеспечения всестороннего единства сознания, т.е. того единства, которым мы актуально обладаем и которого достаточно для восприятия предметов в пространстве и времени. Возможно, что как раз самые важные категории субстанции, причины и взаимодействия не участвуют в этом. Скажем, категория причины имеет своеобразного «двойника» в лице категорий количества. В схемах того и другого мыслится временной ряд, правда, в первом случае еще и упорядоченный [91]. Но, может быть, для восприятия длительности достаточно категорий количества и именно они обеспечивают единство сознания в этом временном модусе? Ответ на данный вопрос в рамках приведенного аргумента невозможен, а значит и сам аргумент недостаточен.

Приходится констатировать наличие существенной лакуны в кантовской аргументации, составляющей трансцендентальную дедукцию категорий. Лакуна состоит в недоказанности тождества категорий отношения и функций единства сознания, которое, однако, утверждается Кантом. С другой стороны, отказ от этого положения приводит к развалу всей трансцендентальной дедукции. Мнение о существенном

пробеле в кантовской аргументации давно стало общим местом современного кантоведения [92]. Но есть и другая сторона вопроса, представляющая немалый интерес. Неужели сам Кант не видел этого пробела? Естествен такой ответ: конечно не видел, иначе этого пробела просто не было бы. Но не все так очевидно. Кант ведь не пересказывает чей-то аргумент – в этом случае вполне можно не заметить пропущенные звенья, – но он должен был прийти к нему, прежде чем изложить этот аргумент в «Критике чистого разума». Мыслимо ли, чтобы ему вообще мог прийти в голову аргумент со столь серьезным изъяном?

Единственный выход из этой ситуации состоит в предположении, что звено, отсутствующее в дедукции из «Критики», изначально было чем-то заполнено. Но чем оно могло быть заполнено? Долгое время не удавалось найти ответ на этот вопрос. Только недавнее историко-философское открытие, одновременно сделанное в 1989 г. двумя немецкими исследователями [93], создало предпосылки для реконструкции первоначального варианта дедукции, опирающейся на черновые наброски дедукции, созданные Кантом в середине семидесятых годов. Открытие, о котором идет речь, не имеет, на первый взгляд, прямого отношения к дедукции категорий. На основании тщательного анализа черновиков и лекций Канта было установлено, что еще за несколько лет до выхода «Критики чистого разума» Кант считал, что единство «Я» не есть одно лишь единство мышления, но дано нам в созерцании. В одном из набросков Кант пишет: «...ни один субъект не познается до его предикатов, за исключением «Я», которое, тем не менее, есть не понятие, но созерцание» [94], причем, как следует из другого фрагмента, «созерцание, [предмет] которого неизменен» [95]. «Я», таким образом, рассматривалось Кантом как предмет, данный в особом созерцании, которое Кант отличал от внутреннего чувства и иногда называл интеллектуальным [96]. Это созерцание есть не что иное, как апперцепция [97]. Вспомним, что в «Критике чистого разума» единство апперцепции как единство мышления совершенно отлично от возможного единства трансцендентального субъекта, о котором, впрочем, ничего не известно [98]. Заключение же от первого ко второму, по Канту, невозможно и попытки такого заключения опровергаются им в главе о паралогизмах чистого разума [99].

Но вернемся к более ранней позиции Канта, в соответствии с которой мы созерцаем единое и тождественное «Я» как предмет, и посмотрим, как на ее основании можно реконструировать дедукцию, лишенную бросающихся в глаза изъянов. Если единое «Я» – предмет, то возникает вопрос, какого рода этот предмет. Маловероятно, чтобы это «Я» было явлением. В явлениях не может быть ничего абсолютно простого и тождественного. И действительно, Кант считал «Я», данное нам в интеллектуальном созерцании, вещью в себе, о чем он упоминает, к примеру, в одной из лекций конца семидесятых годов [100].

Теперь надо зайти с другой стороны. В «достаточной» дедукции категорий Кант показывает, что связывание представлений с помощью категорий отношения является необходимым условием отнесения этих представлений к предмету, мыслящемуся существующим

независимо от нас. Но независимым существованием обладают только вещи сами по себе. Следовательно, именно к вещам в себе мы относим наши представления, мысля последние порожденные воздействием вещей в себе на нашу чувственность. Здесь необходимо некоторое уточнение. Дело в том, что в первом издании «Критики» Кант разводит трансцендентальный предмет, или объект, т.е. то, к чему мы относим представления, связывая их через категории, и вещи сами по себе, или ноумены [101]. Согласно первому изданию «Критики», мы знаем, что трансцендентальный объект, или «субстрат чувственности» существует, но не знаем, вещь ли это сама по себе, и мы можем помыслить вещь саму по себе, но не знаем, существует ли она [102]. Основанием для такого различения послужили положения, зафиксированные в разделе «Критика четвертого паралогизма трансцендентальной психологии» [103]. Поскольку, однако, раздел о паралогизмах замыслен и создан незадолго до выхода первого издания «Критики», то весьма вероятно, что в 1775-1777 годах Кант придерживался своего старого мнения о том, что именно вещи в себе, воздействуя на нашу чувственность, порождают многообразие представлений. Эта позиция наиболее ярко выражена в диссертации 1770 г. [104], и, кстати говоря, Кант фактически реставрировал ее в произведениях, последовавших за первым изданием «Критики». Этой позиции было уделено внимание потому, что она оказывается ключевым звеном в реконструкции первоначального варианта трансцендентальной дедукции, так как данная реконструкция удается только при предположении, что в середине семидесятых годов Кант считал, что необходимым условием отнесения представлений к *вещам в себе* является связывание их с помощью категорий, причем одних лишь «математических» категорий недостаточно для подобного отнесения.

Итак, остается сделать последний шаг. «Я» есть одна из вещей в себе. Поэтому и для «Я» справедлив вывод, что все относящиеся к нему представления должны быть связаны через категории, в частности, через категории отношения. Но воспринимать можно только то, что относится к «Я». Это значит, что все предметы возможного опыта подчинены категориям и, что особенно важно, таким категориям, как субстанция, причина и взаимодействие, так как только они, в конечном счете, относят представления к вещам в себе. Цель дедукции достигнута, явных лакун в ней нет. Единственная оставшаяся трудность связана с предположением, что, возможно, в отнесении представлений к «Я» задействованы не все категории отношения. Но эта трудность решаема в рамках данного варианта дедукции. Кант показывал, к примеру, что необходимым условием восприятия объективной последовательности событий является предположение, что каждое событие в ней имеет причину [105]. Это значит не что иное, как то, что всякий данный нам, т.е. «Я» как объекту ряд событий подчинен закону причинности и, стало быть, восприятие длительности невозможно без участия этой категории. Следовательно, категория причины необходимо участвует в объединении представлений во всестороннее единство сознания, которым мы все актуально обладаем. Это же рассуждение применимо к категории взаимодействия по отношению к собы-

тиям, воспринимаемым нами как объективно сосуществующие. Правда, надо заметить, что недостаток этих доказательств в том, что необходимость той или иной категории отношения оказывается в тесной зависимости от той конкретной формы чувственности, которой мы обладаем. Это обстоятельство в 1775 г. объективно толкало Канта к проведенному им позднее фактическому отождествлению категорий и форм времени, от которого он, впрочем, быстро отошел, доказывая уже в первом издании «Критики», что категории значимы для предметов чувственного созерцания вообще. Приведенные только что факты, однако, делают сомнительной возможность подобного общего доказательства, даже при том понимании «Я», которое было у Канта в 1775 г.

Так или иначе, но непосредственные цели дедукции были достигнуты Кантом, так как он показал, что все эмпирические созерцания, относящиеся к «Я», подчинены категориям. Стоит еще отметить, что функции единства сознания, или «души», как выражается Кант в 1775 г., хотя и полностью параллельны категориям, отличаются, по мнению Канта, все же от них степенью общности [106]. Категории относят представления к вещам в себе как таковым, а функции единства души – к конкретной вещи в себе, т. е. к «Я». Связывание представлений, относящихся к «Я», через категории создает опыт как объективное познание [107]. Несмотря на это различие, всякая эмпирическая данность подчинена категориям и может быть a priori познана через них.

Почему же Кант отказался от этого варианта дедукции? Одна из возможных причин связана с косвенным – через Тетенса – влиянием Юма, произошедшим в 1777-1778 годах. Согласно Юму, у нас нет идеи и впечатления «Я», или, говоря кантовским языком, «Я» не дано нам в созерцании. Мысль эта убедила Канта и он стал рассматривать «Я» как единство апперцепции, т.е. как единство мышления, а не предмета. О единстве же «Я» как вещи самой по себе говорить он теперь отказывался [108]. Тем не менее, Кант и дальше продолжал отождествлять трансцендентальное единство апперцепции и трансцендентальный объект [109] – в старой терминологии «Я» и вещь в себе – только теперь это отождествление могло показаться необоснованным читателям «Критики чистого разума».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, рассмотрение дедукции завершено. Теперь имеет смысл сказать несколько слов о пользе этого анализа для понимания более общих проблем кантовской философии.

Одна из таких проблем связана с некоторой парадоксальностью кантовской позиции по вопросу о взаимоотношении чувственности и рассудка. С одной стороны, Кант утверждает, что чувственность и рассудок – два изолированных ствола человеческого познания, общий корень которых, может быть, и существует, но нам неизвестен [110]. С другой стороны, Кант доказывает необходимое взаимопроникновение чувственности и рассудка [111]. Не противоречит ли Кант самому себе? Если эти способности независимы друг от друга, то как они могут

быть необходимо связаны и почему Кант считает нужным принимать оба этих тезиса одновременно?

Рассмотрение дедукции не только во многом устраняет двусмысленность, но и выявляет причины, вызвавшие ее. Изначально, в 1770 г. Кант, четко различая чувственность и рассудок, не считал, что они должны необходимо проникать друг в друга. Его позиция была свободна от видимых парадоксов. Но после влияния на него юмовских аргументов, именно с целью сохранения нечувственного происхождения категорий, Кант вынужден был искать доказательство истинности вытекающих из них основоположений, т. е. трансцендентальную дедукцию категорий, возможную лишь в том случае, если категории составляют априорные условия возможности связи явлений как предметов чувств в апперцепции, т. е. при условии необходимого взаимопроникновения чувственности и рассудка. Категории оказались, таким образом, в тесной связи с формами чувственности и, чтобы предотвратить их смешение, Кант утверждает, что в них мыслится синтез созерцаний вообще, а не синтез созерцаний, представляющих конкретные формы чувственности, так как признание последнего фактически привело бы к отождествлению категорий с формами этих созерцаний – тогда бы дедукция приводила к тому, что, по замыслу, она должна была предотвратить. Упомянутое различение вынуждало Канта выделить две стадии дедукции – по отношению к чувственным созерцаниям вообще и по отношению к нашему чувственному созерцанию.

Другая проблема связана с признанием Кантом факта существования априорных синтетических познаний из чистого рассудка, т. е. чистого естествознания. В первом издании «Критики» Кант не говорит о подобном факте и утверждает, что невозможно быть уверенным в фактическом существовании таких познаний без предварительного исследования их возможности [112]. Однако в «Пролегоменах» и во втором издании «Критики» Кант ссылается на этот факт, как на самоочевидный и даже как будто отталкивается от него в своих исследованиях [113]. Эта двойственность кантовской позиции также проясняется через обращение к истокам трансцендентальной дедукции. Но прежде надо уточнить саму проблему. Конечно, неоспоримым фактом является существование естествознания, использующего в качестве принципов такие, например, основоположения рассудка, как «всякое событие имеет причину». Кроме того, данное основоположение, наряду с другими, повсеместно признается априорным. Но отсюда не следует, что в таких основоположениях выражены априорные познания, ведь из того, к примеру, что мы всегда допускаем наличие причины у каждого события, вовсе не следует, что каждое событие действительно имеет причину. Требуется специальное доказательство, обосновывающее переход от первого, субъективного утверждения ко второму. Однако возможность такого перехода не является фактом, хотя лишь при этом условии первое утверждение есть априорное познание. Стало быть, и само существование априорных познаний не может быть фактом.

Все дело, однако, в том, что аргумент, исторически лежащий в

фундаменте трансцендентальной дедукции – если невозможно доказать основоположение о причинности, то и само основоположение, и понятие причины возникают из опыта, – запрещает, будучи представлен в общем виде, саму возможность существования априорных утверждений, находящих повсеместное применение в опыте и тем не менее не являющихся априорными познаниями в указанном смысле. Поэтому всеобщее признание априорного характера принципов общего естествознания было достаточным основанием для утверждения Канта о фактическом существовании априорных познаний из чистого рассудка, хотя, с другой стороны, основание всеобщего признания не настолько надежно, чтобы не требовалось более глубокого исследования возможности подобных познаний, которое и проделано Кантом в трансцендентальной дедукции категорий.

[1] *Кант И.* Соч.: В 6 т. М., 1963-1966. Т. 3. С. 78, 184-185. Т. 4, ч. 1. С. 75, в дальнейшем – *Кант*, 3: 78, 184-185; 4/1/: 75.

[2] *Кант.* 3: 182.

[3] *Кант.* 3: 78.

[4] *Кант.* 3: 117, 4/1/: 91.

[5] *Кант.* 3: 216.

[6] *Кант.* 3: 719.

[7] *Кант.* 3: 188.

[8] *Кант.* 2: 431.

[9] *Кант.* 2: 394.

[10] *Кант.* 2: 393.

[11] *Кант.* 2: 393-394, 414-415.

[12] *Кант.* 2: 392, 394, 414.

[13] *Кант.* 3: 210.

[14] Заметим, что в диссертации Кант еще не различает разум и рассудок.

[15] *Кант.* 2: 394, 415.

[16] *Кант.* 2: 423-424.

[17] Там же; очевидно, что положение «все в мире происходит сообразно с естественным порядком» тождественно принципу «всякое событие в мире феноменов имеет причину, принадлежащую этому же миру».

[18] *Kant I.* Kants gesammelte Schriften. Berlin, 1910-; Akademicausgabe, Bd. XVII, S. 370, 374, 385, в дальнейшем – *Kant*, XVII: 370, 374, 385.

[19] *Кант.* 2: 431.

[20] *Кант.* 2: 423-424.

[21] *Kant.* X: 259-260.

[22] *Кант.* 2: 430.

[23] *Kant.* IV: 260, 4/1/: 74.

[24] *Кант.* 2: 430.

[25] *Кант.* 2: 432.

[26] Там же.

[27] *Кант.* 3: 210.

[28] *Кант.* 4/1/: 74-75.

[29] *Кант.* 4/1/: 71-72.

[30] *Кант.* 3: 631.

[31] Еще более удален от темы настоящего рассмотрения вопрос об истинности этого аргумента.

[32] *Кант.* 4/1/: 72.
[33] *Кант.* 3: 174.
[34] *Kant.* XVII: 492-493. R4276.
[35] *Кант.* 3: 174.
[36] *Кант.* 2: 430-431.
[37] Соответственно, *Кант.* 3: 181-186, 187-189, 190-216.
[38] *Кант.* 3: 186.
[39] *Kant.* A90/B122, 3: 185 – в русском переводе неточность.
[40] *Кант.* 3: 78.
[41] Там же.
[42] *Кант.* 3: 79.
[43] *Кант.* 3: 187.
[44] Там же.
[45] Там же.
[46] *Кант.* 3: 188.
[47] Ср. *Кант.* 3. 319, 2: 390.
[48] *Кант.* 3: 718-719.
[49] *Кант.* 3: 78.
[50] Там же.
[51] Там же.
[52] *Кант.* 3: 79.
[53] *Кант.* 3: 78.
[54] *Кант.* 3: 700.
[55] *Кант.* 6: 65.
[56] *Kant.* XVII: 648.
[57] Несовершенный вариант «достаточной» дедукции дан все же Кантом в основном тексте дедукции – *Кант.* 3: 704-708.
[58] *Кант.* 3: 197-199.
[59] См.: *Detel W.* Zur Funktion des Schematismuskapitels//Kant-Studies 69, 1978; *Carl W.* Der schweigende Kant. Götingen, 1989. S. 158-183.
[60] *Кант.* 3: 228, 4/1/: 114.
[61] *Кант.* 4/1/: 116.
[62] *Кант.* 4/1/: 117-118, здесь дан ранний вариант достаточной дедукции, в основном воспроизведенный в «Пролегоменах». См. так же: *Kant.* XVII: 646-648, 658.
[63] *Кант.* 3: 700.
[64] *Кант.* 3: 128.
[65] *Кант.* 2: 409.
[66] *Кант.* 2: 423.
[67] *Кант.* 3: 711, 191-192.
[68] *Кант.* 3: 713, 210.
[69] *Кант.* 3: 199, 211; 3: 713, 715.
[70] *Кант.* 3: 200.
[71] *Кант.* 3: 211.
[72] *Кант.* 3: 712; это значит, что в дедукции «сверху» доказывается объективная значимость категорий для любого чувственного созерцания.
[73] Или, в терминологии 1775 г., понятие «единства души». См.: *Kant,* XVII: 660.
[74] *Кант.* 3: 711, 193.
[75] *Кант.* 3: 712, 192.
[76] *Кант.* 3: 712-713, 197-199.
[77] *Кант.* 3: 712.
[78] *Кант.* 3: 331.
[79] *Кант.* 6. 198.

[80] *Кант.* 3: 204.
[81] *Кант.* 3: 193.
[82] *Кант.* 3: 200-201.
[83] *Кант.* 3: 713, 210.
[84] *Кант.* 3: 715, 204-205.
[85] *Кант.* 3: 715-716, 205.
[86] *Кант.* 3: 713, 173.
[87] *Кант.* 3: 196.
[88] *Кант.* 3: 197-199.
[89] *Кант.* 3: 195.
[90] *Кант.* 3: 712-713.
[91] *Кант.* 3: 224-225.
[92] См. например: *Guyer P.* Kant and the Claims of Knowledge, N. Y., 1987. P. 118; *Thöle B.* Kant und das Problem der Gesetzmäßigkeit der Natur, N. Y., 1991. S. 261.
[93] См.: *Schmitz H.* Was wollte Kant? Bonn, 1989. S. 190-191; *Carl W.* Der schweigende Kant. S. 92.
[94] *Kant.* XVII: 345-346.
[95] *Kant.* XVIII: 146.
[96] *Kant.* XVII: 467.
[97] *Kant.* XVIII: 72.
[98] *Кант.* 3: 752-753.
[99] *Кант.* 3: 754.
[100] *Кант.* III: 180.
[101] *Кант.* 3: 721-722.
[102] *Кант.* 3: 332-333.
[103] *Кант.* 3: 733-737.
[104] Ср.: *Кант.* 2: 389-391, 395, 415.
[105] *Кант.* 3: 258-269.
[106] *Kant.* XVII: 646, 648, 664.
[107] *Kant.* XVII: 664.
[108] *Кант.* 3: 724, 754.
[109] *Кант.* 3: 707, 720, 198-199, 195.
[110] *Кант.* 3: 123-124.
[111] *Кант.* 3: 713.
[112] *Кант.* 3: 632-633.
[113] *Кант.* 3: 116-118, 4/1/: 89-90, 112-113.

ЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕЙБНИЦА: ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО[1]

А. Л. Субботин

В XVII в. (как, впрочем, и в последующее время) существовали разные точки зрения на статус логики и на ценность ее предписаний для процесса познания и науки. Джон Локк, например, приписывал ста-

© А. Л. Субботин, 1996